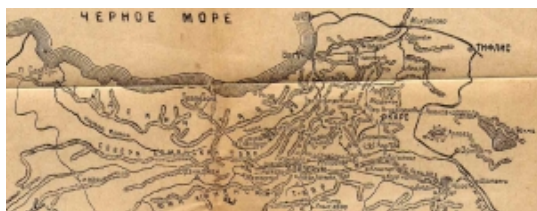


Экспедиция к Трапезунту (1807 г.)



Прочее

Едва эскадра Пустошкина прибыла в Севастополь, как получено было известие, что христиане, живущие в Трапезонте, с нетерпением ожидают прибытия к этому городу русского флота, обещая свое содействие сдать город русским, так что для овладения столь важным пунктом, полагалось достаточным сделать десант из 2500 человек. Поэтому, маркиз де-Траверсе приказал Пустошкину взять все годные к плаванию суда, находившиеся в Севастополе, и немедленно идти к Трапезунту. Предоставляя Пустошкину полную свободу действий, ему указывалось лишь, в общих чертах, исполнение самой экспедиции. Так, следовало послать в город письмо с требованием сдачи и, вслед за тем, занять десантом гору Ботпете, с которой представлялось возможным обстреливать весь город. В то же время, один фрегат с малыми судами направится к деревне Платаны, в 15 верстах к западу от Трапезунта, чтобы не допустить стоявшим там турецким судам подойти к Трапезунту. В случае успеха, Пустошкин должен был отделить часть флотилии к Синопу, для разорения этого города и уничтожения находившихся при нем неприятельских судов. 31 мая эскадра Пустошкина выступила из Севастополя. Она состояла из 4 кораблей, 5 фрегатов, 3 брандеров, 2 бригов, 4 других судов и 7 канонирских лодок. Кроме того, для провианта нанято 7 купеческих судов. Десантные войска, под начальством генерал-майора Бегичева, состояли из 2-х батальонов Полтавского мушкетерского полка, батальона 22-го егерского полка, одного сводного гарнизонного батальона, 300 казаков Мелентьева 2-го полка и восьми 18-ти фунтовых пушек. 3 июня от эскадры была послана шхуна для передачи письма

начальнику турецких войск в Трапезунте. Вслед за ней, эскадра наша продолжала плавание вдоль берега, скрытая сильным туманом, и 6 июня остановилась у деревни Платаны. В тот же день к жителям этой деревни отправлен был чиновник Мавромихали, с приглашением их прибыть на корабль к главнокомандующему. Ему отвечали, что придут завтра. Когда же, на другой день, Мавромихали снова подъехал к берегу на пистолетный выстрел, и напомнил жителям об их обещании, то был встречен бранью, а из трех батарей, скрытых на берегу, открыли по нем пушечный огонь. Тогда Пустошкин приказал канонирским лодкам, а потом трем кораблям, подойти к берегу и открыть огонь по турецким батареям и строениям Платаны. В то же время спущены были баркасы, для зажжения стоявших у берега неприятельских судов. Одно из них было, действительно сожжено, а два судна взяты на буксир и доставлены к эскадре. Заставив замолчать неприятельские батареи и нанеся чувствительную порчу строениям, суда наши возвратились к эскадре. Наступившее безветрие не позволяло нашей эскадре сняться с якоря. Желая не упустить ни малейшего случая к занятию Трапезунта, Пустошкин отправил с волонтером Яни-Пано, новую прокламацию к жителям города. Прокламация эта, от 9 июня, заключалась в следующем: «Начальники и жители Трапезунта! Два дня тому назад я послал к вам судно с прокламацией, но как легко могло случиться, что погоды, бывшие на море, воспрепятствовали ему выполнить свое поручение, и как в самой только крайности намерен я причинить вам зло, то я желаю повторить вам ее содержание. Если прокламация, мной к вам посланная, дошла до вас, то следуйте ей, как и я сам следовать ей буду. Я говорил вам в ней, что я послан капитан-пашей великого Всероссийского Императора не для того, чтобы причинить вам вред, но чтобы вам покровительствовать, защищать вас и прекратить все несчастья ваши, которыми Император наш весьма тронут. Таяр-бей принимает теперь наставления и скоро придет сам с другой армией. Между тем признайте каймаканом его – человека, означенного в моей прокламации. Я покажу вам ее, если она не дошла до вас.» Собственность ваша, личность, вероисповедание и священнослужители будут

неприкосновенны, и все, что до сего качается, останется по-прежнему. Суда тех, кои не оставят города, не будут тронуты и им дадутся флаги для свободного проезда торговать в Крыму и оттуда возвращаться. А имущества тех, кои уйдут и не станут сообразовываться с предписанным, будут безвозвратно конфискованы. Равномерно будут наказаны и все те, кои, взяв оружие, станут сопротивляться, кои будут найдены с оружием в руках, кои возбудят или возбуждали других к сопротивлению, какой бы веры и какого бы народа они не были. Все имеющие при себе оружие должны сложить его у каймакана Таяр-Беева. Если же после у кого найдется оружие, какого бы рода оно ни было, имения таковых будут конфискованы, а сами они строго наказаны. Во время высадки Императорских войск, каждый должен оставаться дома и не делать никаких сборищ. С нашей стороны будет приложено старание, чтобы каждый возвратился к обыкновенным своим упражнениям, без малейшего помешательства и беспокойства. Горе тем и даже вашему городу, если бы причинили малейшее зло какому-нибудь христианину или кому другому из жителей. Малейший беспорядок будет наказан таким образом, что заставит трепетать каждого. Мы желаем только вашего блага. Вы не будете более притесняемы и грабимы, но будете управляемы с кротостью. Генерал, к вам посылаемый, известен по своим добрым качествам и по своей кротости. Вы уже знаете генерального консула, который к вам возвращается. И так останется спокойным, и благосостояние ваше будет совершенно. Подумайте и рассудите жители Трапезунта, что малейшее сопротивление ввергнет вас величайшее несчастье, без всякой надежды на успех. Вам нечего ожидать от правительства вашего: везде побеждаемое войсками нашего Императора, оно ничего не может противопоставить им. Тенедос взят, и флоты наши из Средиземного моря с войсками, на трехстах судах посаженными, готовы проникнуть в Константинополь. Французы, для умножения своих усилий к защите против армий наших, ввергнувшее правительство ваше обманчивыми обещаниями в погибель, войною, которую осмелилось объявить оно Августейшему Государю нашему, французы прогнали из всех мест, кои они захватили и не могут более противостать

храбрости Российских войск. В ваших странах армии наши продвигаются через Грузию. Чего ожидать вам, кроме величайших несчастий, от тщетного сопротивления, которое в несколько часов заставит вас ощутить участь Анапы, в которой не остается камня на камне, и которую я должен был наказать за ее дурное поведение и за тщетное сопротивление. Внемлите советам, внушаемым мне человеколюбием. Если хотите прислать кого-нибудь на корабль мой, то посланный сей будет принят дружелюбно и ему нечего опасаться: в том я даю мое слово. Если же, не взирая на мои увещания, вы не исполните того, что я вам предписываю, то будете истреблены. Не зная еще на что вы решитесь, хотел я отложить наказание, столь заслуженное жителями Платаны, начальники коей, не сдержав своего слова прислать кого-нибудь ко мне на корабль, осмелились оскорбить чиновника, которого я посылал к ним, и через несколько времени после того стреляли по канонирской лодке нашего флота. Я удовольствовался тем, что приказал стрелять по ней одному кораблю и нескольким канонирским лодкам, взять у них два судна и одно сжечь, желая доказать им, что от меня именно зависело сжечь и истребить самое их селение. Ежели поступил я с толикой кротости, то единственно потому, что, как мне известно, выгоды трапезунтских жителей сопряжены с этим местечком, и прежде, чем дать приказ все разорить, я хотел видеть каково будет ваше поведение». Яни-Пано был ласково принят пашей, который, прочитав в присутствии 12 лиц его штаба прокламацию Пустошкина, сказал: «Из писанного в этой бумаге мы видим, что требуют от нас принять начальником Таяр-бея, сложить оружие и отдаться миролюбию под покровительство России. Скажи своему адмиралу, что мы довольны своим правительством; извести его, что султан Селим свержен с престола и на место его возведен Мустафа, что мы имеем, при помощи других беев, довольно людей для своей защиты; если же хотят принудить нас к сдаче, то пусть придут, мы готовы. Скажи еще адмиралу, что Юсуф-паша со своей армией находится в Тифлисе». Потом паша спросил: «За что сожжена Анапа?» - за то, отвечал грек, - что паша и жители не хотели нам добровольно покориться. - «Из скольких судов ваша эскадра?» - Из тридцати. - «Из бумаги

видно, что бывший в этом городе ваш консул находится на эскадре?» - Может быть, но мне это неизвестно. - «Кто командует эскадрой?» - Господин контр-адмирал Пустошкин. - Когда же Яни-Пано стал просить письменного ответа на прокламацию, то паша сказал, что и словесного довольно, и отпуская его, присовокупил: «Если Таяр-бей хочет начальствовать и вводить порядок, то пусть делает все это не здесь, а там, где находится».Получив этот ответ, Пустошкин решился взять силой то, что не удалось достигнуть переговорами. Поэтому в 10 часов утра 11 июня, он расположил свою эскадру на восточной стороне города, между мысом Платаной и Трапезунтом, чтобы преградить путь неприятельским судам, которые могли приблизиться от Платаны.Но недостаток места не позволил эскадре нашей выставить в первую линию более двух кораблей. Прочие разместились в глубине, отчего, представляя неприятелю удобную цель, сами не могли действовать.Турки открыли огонь с двух своих батарей; одна из них была на конце мыса, в старом разрушенном замке, другая же находилась на горе Ботпете, почему действовать по ней с наших кораблей было затруднительно. К довершению всего, поднялась сильная буря, сорвавшая многие корабли с якорей и повредившая остальные суда, которые были отброшены к берегу.Когда же, вслед затем, буря прекратилась и подул обратный ветер, давший возможность уйти в море, то Пустошкин собрал военный совет, на котором было решено, что в виду невозможности произвести десант для овладения Трапезунтом, и плыть к Севастополю, куда эскадра и направилась 12 июня, а прибыла на место 10 июля, останавливаясь по пути в Феодосии.Этим и закончились действия нашего Черноморского флота в 1807 году, так как получено было известие о заключении Тильзитского мира и о переговорах, начатых с Турцией.

Автор: Генерального штаба генерал-майор А.Н. Петров

